

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ, КОТОРЫЕ ИНВЕНТАРИЗИРУЕТ ПАРФЕНОВ

— Леонид, подзаголовок программы — «Наша эра». Почему наша эра начинается с 61-го года?

— Когда говорят «наша эра», то подразумевается — от Рождества Христова. Доисторический период, хотя и огромный, но он — не наша эра. Мы очень слабо ощущаем на себе воздействие Хаммурапи или Рамзеса, но нам близко все, что создано христианской цивилизацией. В этом смысле подзаголовок моей программы подразумевает то, что имеет к нам непосредственное отношение. Это время, которое нас формировало. Или не нас, а наших родителей и нас — через

Век. Москва. — 1994. — 7 марта. — С. 8
В минувшую субботу Леонид Парфенов показал стране свое новое телевизионное детище. Не могу сказать, что присутствовала при его, детища, рождении, но пообщаться с создателями «Намедни 1961—1991» мне удалось за несколько дней до выхода программы в эфир. «Это будет роман из заглавий», — анонсировал свое творение режиссер Джаник Файзиев. И объяснял, что квадратики, которые мы вскорости увидим на экране, — не что иное, как визуальное воплощение человеческих воспоминаний. Парфенов, которому в эти дни было, кажется, не до интервью, вежливо продемонстрировал мне новый интерьер студии «Намедни», ответил на вопросы и отправился в монтажную, где царил 61-й... Премьера состоялась. Парфенов, не отказавшийся в своем новом проекте от торговой марки «Намедни», не отказался и от прежнего экранного имиджа. Правда, исчезли очки и появилось немного актерства. Что касается программы, то ее идея вряд ли поразила зрителей своей гениальностью. Зато ее воплощение, как и следовало ожидать, оказалось весьма достойным.

них. 61-й год — это новые деньги, начало космической эпохи. Период с 61-го по 91-й — очень зрелый, богатый, спокойный, без войн (по крайней мере, внутри страны). Мне представляется, что это то время, которое сделало все нынешнее поколение. Из этого тридцатилетия пошла наша представления о том, что такое хорошо и что такое плохо, что дорого, а что дешево, как принято и как не принято, отсюда — вся наша этика и эстетика, все представления о мире. И все наши нынешние представления так или иначе находятся под их воздействием. Отталкиваемся ли мы от тех, прежних, проклинаям ли их, но мы вольно или невольно их учитываем. Это уникальный опыт. Он не плохой и не хороший. Теперь уже бессмысленно спорить о его качестве. Но второго такого нет.

— И вы решили разобрать этот опыт по кусочкам и наглядно продемонстрировать, из чего же, из чего же, из чего же сделано нынешнее поколение...

— Проинвентаризировать советский космос (его большие планеты, светила, скромные небесные тела, астероиды, сгоревшие осколки) кажется мне задачей очень почтенной. Особенно в конце века, в тот момент, когда мы стали по-другому смотреть на себя.

— В 61-м вам стукнул один год. По крайней мере десять последующих лет вы, скорее всего, мало задумывались об эпохе...

— Да, когда в космос полетел Гагарин, мне был один год. Но это вовсе не означает, что этого со мной не было. Эхо подобных событий было столь сильным, что оно догоняло

везде — в детском саду, в школе, в книжках, в чьих-то рассказах, в фильмах. Даже человека, родившегося в 70-м. На нем так или иначе сказалось все: наша любовь к Кубе и ненависть к Америке, выражение «курица — не птица, Болгария — не заграница», плащ болонья, водка за два восемьдесят семь, кафе первой наценочной категории, внеочередной пленум ЦК КПСС, радиоголоса, Высоцкий, сезонное отключение воды. Все это по нему ударило.

— Вам не кажется, что обо всем этом на телевидении сегодня говорят безостановочно? Куда ни посмотришь — везде ретро или что-то вроде того...

— Мой проект не является никаким ретро. Это взгляд из сегодня. И эстетика, созданная режиссером программы, абсолютно современна. В «Намедни» нет никаких ностальгических охов-вздохов. А что касается тенденции в целом, так это мы сейчас изживаем комплекс 80-х—90-х. Тогда мы стыдились того, что мы советские. Во времена гуманитарной помощи нам казалось: все нужно начинать заново. Ничего подобного. Выяснилось, что прошлое, каким бы оно ни было, не обязательно перечеркивать. Мы еще доживем до того времени, когда папой — секретарем райкома будут гордиться так же, как в Австралии гордятся тем, что прапрадеды были беглым каторжником. Такая эволюция — это замечательная вещь.

Лариса ХАВКИНА

Парфенов Леонид

4.03.94